

Н. Б. Кошкарёва

Институт филологии СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, Россия, 630090

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, Россия, 630090

E-mail: koshkar_nb@mail.ru

ОТРАЖЕНИЕ КАК ВИД ПОДЧИНИТЕЛЬНОЙ СВЯЗИ В ЯЗЫКАХ С ВЕРШИННЫМ МАРКИРОВАНИЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ ХАНТЫЙСКОГО И НЕНЕЦКОГО ЯЗЫКОВ)*

Вводится представление об отражении как особом виде подчинительной связи в языках с вершинным маркированием, которое встречается в хантыйском и ненецком. Главное слово в именном или глагольном словосочетании принимает показатели, указывающие на свойства зависимого. В хантыйском языке родительный и винительный падежи в системе именного склонения отсутствуют, поэтому форма главного слова является единственным средством выражения зависимости. Элементы расщепленного маркирования наблюдаются в сочетаниях с личными местоимениями, которые имеют форму винительного падежа. В целом хантыйский язык можно определить как язык смешанного типа, так как в нем в одних и тех же типах конструкций представлены все виды маркирования – вершинное, зависимостное, двойное и нулевое. Ненецкий язык можно отнести к языкам с преимущественно двойным маркированием, так как в определенных условиях морфологические показатели располагаются либо на главном, либо на зависимом слове, либо дублируются на обоих.

Ключевые слова: хантыйский язык, ненецкий язык, вершинное маркирование, зависимостное маркирование, двойное маркирование, нулевое маркирование, подчинительная связь, отражение как вид подчинительной связи.

Введение

По характеру выражения синтаксических связей и месту (*locus*) их показателей в работах Дж. Николс было введено типологически значимое деление языков мира на две разновидности: 1) языки с преобладающим маркированием главного компонента (*head-marking languages*), в которых форма главного слова указывает на зависимое; 2) языки с преобладающим маркированием зависимого компонента (*dependent-marking languages*), в которых подчинение одного компонента другому выражается формой зависимого слова [Nichols, 1986; 2006; Nichols, Bickel, 2005]. «Если категория С, по которой наблюдается морфологическая зависимость, выражается в вершине, налицо **вершинное маркирование**, если же эта категория выражается в зависимой словоформе – **зависимостное маркирование**» [Тестелец, 2001. С. 369].

В языках мира обнаруживается множество переходных случаев между этими двумя основными типами языков, что стало предметом пристального внимания ученых в последние

* Автор выражает признательность кандидату филологических наук, доценту Елене Витальевне Ковган за ценные замечания и предложения, высказанные в процессе обсуждения статьи.

годы (см.: [Bentley, 1998; Hasselbach, 2013; Kathol, 2002; Kibrik, 2004; Ruff, 2009] и др.)¹. В некоторых языках наблюдается расщепленное маркирование, которое в определенных типах конструкций может располагаться либо на главном, либо на зависимом компоненте; возможно также двойное маркирование, когда показатели связи принимают оба компонента одновременно [Nichols, 1992].

Теория подчинительных связей подробно разработана для языков с маркированием зависимого члена: согласование, управление и примыкание как разные стратегии выражения подчинения описаны детально, поскольку общая теория синтаксиса создавалась первоначально на основе индоевропейских языков, которые относятся к языкам с преимущественным маркированием зависимого слова. Дж. Николс отмечает, что одни и те же типы синтаксических отношений (субъектное, объектное и др.) в этих типологически различных языках выражаются разными видами связи: в языках с маркированием зависимого компонента — одной из подчинительных связей, в языках с маркированием главного компонента — одной из разновидностей аппозиции (*apposition*). Используя термин «аппозиция», Дж. Николс дает характеристику зависимого слова, которое в языках с вершинным маркированием чаще всего остается неизменным. Однако классификацию видов связи в этих языках целесообразно построить на основе морфологических характеристик того компонента, который получает морфологическое маркирование, т. е. характеристик главного слова, аналогично тому, как типология подчинительных связей выстраивалась первоначально, начиная с работ Ф. И. Буслаева в отечественной лингвистике, на базе морфологических характеристик зависимого слова в роли формального выразителя зависимости.

Еще до выхода в свет работ Дж. Николс в трудах В. А. Аврорина был предложен термин «отражение» для обозначения связи между членами словосочетания в нанайском языке, при которой «подчинительные отношения находят свое морфологическое выявление в форме подчиняющего слова, а форма подчиненного слова остается нейтральной по отношению к подчиняющему слову» [Аврорин, 1981. С. 6]. Этот вид связи характерен прежде всего для словосочетаний, в которых и главное, и зависимое слово выражены именами существительными и передают притяжательные отношения; кроме того, он устанавливается между деепричастием (или другой инфинитной формой) и его субъектом. В. А. Аврорин указывал, что данная связь носит двусторонний характер, «важнейшим ее показателем служит форма определяемого, в которой и выражается материально отражение» [Там же. С. 7].

И. А. Мельчук отмечает, что в синтаксической конструкции «хозяин → слуга» «МОРФОЛОГИЧЕСКИ слуга может зависеть от хозяина, хозяин — от слуги, или же оба могут зависеть друг от друга» [1993. С. 19]. Для характеристики принципа маркирования зависимости одного слова от другого он также использует метафору *отражения*: «при согласовании и конгруэнтности мишень “ОТРАЖАЕТ” свойства контролера, при управлении же такое отражение места не имеет» [Там же. С. 52]. Наряду с терминами «восходящее» и «нисходящее» согласование (*upward / downward agreement*), заимствованными из работы Дж. Николс, И. А. Мельчук вводит также понятие «отраженного», или несобственного, согласования [Там же. С. 35, 37].

Принцип «отражения» признаков зависимого слова в форме главного широко используется в уральских языках Сибири для выражения: 1) субъектно-предикатного отношения в простом и полипредикативном предложениях; 2) актантных отношений в глагольных словосочетаниях; 3) атрибутивных отношений в именных словосочетаниях; 4) сирконстантных отношений в послеложных сочетаниях.

Предикативное отражение

В простом предложении категории лица и числа подлежащего находят соответствие в форме сказуемого:

¹ См. также: Van Valin R. D., Jr. Head-marking languages and linguistic theory // What's where why? Language typology and historical contingency. A festschrift to honor Johanna Nichols / Eds. B. Bickel, L. A. Grenoble, D. A. Peterson, A. Timberlake. Amsterdam: Benjamins (in press). URL: <http://linguistics.buffalo.edu/people/faculty/vanvalin/rtrg/Van%20ValinHead-mrkg%20lgs.pdf>; Wichmann S. Case relations in a head-marking language: verb-marked cases in Tlapanec. URL: <http://www.uni-leipzig.de/~va/Dokumente/p3-november-wichmann.pdf>

(1) хантыйский язык, шурышкарский диалект

*Mänti kätjəlam äktəšəŋən.*²

män=ti kät=ŋəlam=Ø äktəš=ŋəŋən
ехать=PrP двое=POSS/1Sg/Du=NOM собираться=Pr-SUBJ/3Du

‘Двое=моих уезжающих собираются [уезжать].’

Подлежащее в хантыйской фразе может отсутствовать, так как форма глагола содержит все необходимые для выражения его лица и числа признаки:

(2) хантыйский язык, шурышкарский диалект

Welpałəti xətewa wanamasəw.

welpałə=ti xət=ew=a wanama=səw
охотиться=PrP дом=POSS/1Pl/Sg=DAT приблизиться=PAST-SUBJ/1Pl

‘[Мы] подъехали к охотничьей избушке.’

В таких примерах может возникнуть сомнение в наличии какой бы то ни было связи между сказуемым и отсутствующим подлежащим. Мы видим в подобных предложениях контекстуальную неполноту, которая легко восполняется при определенных прагматических условиях, поэтому отсутствие того или иного слова во фразе еще не означает отсутствия синтаксической связи вообще. Ср.:

(3) хантыйский язык, шурышкарский диалект

Šit mīj werləw.

šit=Ø mīj wer=λ=ew
это=NOM мы.NOM сделать=Pr=OBJ/1Pl/Sg

‘Это мы сделаем.’

Подобные случаи часто приводятся как пример вершинного маркирования, так как именительный падеж формально не выражен и только форма сказуемого указывает на характеристики подлежащего. Однако можно рассматривать их как проявление двойного маркирования, при котором и форма подлежащего, и форма сказуемого содержат показатели связи.

В падежной парадигме нулевой аффикс именительного падежа противопоставлен всем другим падежным аффиксам по признаку материальной выраженности / невыраженности и представляет собой парадигматически значимый нуль. Кроме того, в хантыйском языке есть дополнительные косвенные признаки, указывающие на именительный падеж, которые проявляются в морфологическом поведении именных основ на гласный: словоизменение ведется от косвенной основы, например: *imi=Ø* ‘женщина=NOM’, *imij=a* ‘женщина=DAT’, *imij=ən* ‘женщина=LOC’; *wōrŋa=Ø* ‘ворона=NOM’, *wōrŋaj=a* ‘ворона=DAT’, *wōrŋaj=ən* ‘ворона=LOC’. Независимо от того, как решается вопрос о первичности или вторичности основы с конечным *j* – об ее усечении в номинативе или, наоборот, наращении в косвенных падежах, – она материально отлична от основы номинатива. Поэтому можно считать, что форма именительного падежа в хантыйском языке также маркирована и является выразителем зависимости подлежащего от сказуемого.

Ср. аналогичное решение этого вопроса применительно к русскому и другим индоевропейским языкам, в которых преобладает маркирование зависимого компонента. В русском языке координация как двусторонняя предикативная связь между подлежащим и сказуемым считается отклонением от зависимостного маркирования: морфологическая зависимость компонентов друг от друга выражается одновременно и падежом подлежащего, и формой сказуемого, которое согласуется с подлежащим в формах числа, рода и лица [Тестелец, 2001. С. 371].

Возможно, при построении типологии языков по месту расположения показателей связи целесообразно было бы особо выделять предикативную синтаксическую конструкцию, так

² Примеры, которые не сопровождаются ссылками на источник, получены автором от информантов во время полевых исследований хантыйского и ненецкого языков. В первой строке примеров из опубликованных источников сохраняется графика и орфография оригинала. Глоссирование хантыйских примеров выполняется в финно-угорской транскрипции.

как связь между подлежащим и сказуемым и в языках с зависимостным маркированием, таких как русский, и в языках с преимущественно вершинным маркированием, таких как хантыйский, может проявлять двойственный характер, при котором подлежащее и сказуемое одновременно несут показатели, указывающие на свойства друг друга. В предикативном ядре связь устанавливается не между морфологическими словоформами, а между синтаксическими позициями, и выбор падежной формы номинатива обусловлен синтаксической функцией подлежащего независимо от лексико-грамматических характеристик сказуемого. Это обеспечивает двусторонний характер предикативной связи в языках разных систем и выводит данный случай за пределы противопоставления «вершинное / зависимостное маркирование», которое хорошо описывает случаи прямой детерминации, тогда как между подлежащим и сказуемым устанавливается двусторонняя связь. Кроме того, в предикативном узле часто наблюдаются несоответствия между направлением морфологической и синтаксической зависимости: несмотря на то, что синтаксически в иерархии членов предложения самую высокую позицию занимает сказуемое, морфологической доминантой является подлежащее, так как именно оно диктует сказуемому согласование по соответствующим грамматическим категориям.

В полипредикативном предложении на лицо и число субъекта зависимой части указывают лично-числовые аффиксы предиката, выраженного инфинитивной формой глагола. В хантыйском языке субъект выражается формой именительного падежа, в ненецком может стоять в форме родительного падежа:

(4) хантыйский язык, казымский диалект

Ljw jöxətmälən jajəŋal xölna antqmən.

<i>ljw</i>	<i>jöxət=m=al=n</i>	<i>jaj=əŋal=Ø</i>
он.NOM	прийти=PP=3Sg=LOC	старший брат=POSS/3Du/Sg=NOM
<i>xölna</i>	<i>antqm=ən</i>	
еще	нет=SUBJ/3Du	

‘Когда он пришел, старших братьев еще [дома] не было.’

(5) ненецкий язык, лесной диалект, аганский говор

Vajsi'konta to="ma=xana=" tja.

<i>vajsi'ko=n=ta</i>	<i>to="ma=xana=Ø="</i>	<i>tja=Ø</i>
муж=GEN=POSS/3Sg/Sg	прийти=VN=LOC=3Sg=PRGM	плакать=SUBJ/3Sg

‘А когда муж пришел, [она] плачет.’

Глагольное отражение

Одним из признаков языков с вершинным маркированием является возможность указания на прямой, а иногда и на косвенный объект, структурой глагольной словоформы. Связь между актантами и глаголом в полиперсональном спряжении И. А. Мельчук называет нисходящим согласованием [1993. С. 41–42]. В хантыйском и ненецком языках аффиксы объектного спряжения указывают на согласование одновременно с двумя именами в предложении: по категории лица и числа – с подлежащим, по категории числа – с прямым дополнением. Тем самым в структуре глагольной словоформы отражается не только зависимость подлежащего и дополнения от сказуемого, но также и некоторые их свойства: общим для подлежащего и дополнения признаком является число (единственное, двойственное или множественное), уникальным для подлежащего – лицо.

В хантыйском языке прямое дополнение, как и подлежащее, стоит в форме именительного падежа. Винительный падеж в системе склонения имен отсутствует. Соответственно, единственным способом выражения связи оказывается формант объектного спряжения:

(6) хантыйский язык, казымский диалект

Ma ši jŭxəm kim elməsem.

<i>ma ši</i>	<i>jŭx=əm=Ø</i>	<i>kim</i>	<i>elmət=s=əm</i>
я этот	палка=POSS/1Sg/Sg=NOM	PRVB	выбросить=PAST=OBJ/1Sg/Sg

‘Я эту палку выбросил.’

Однако указание на объект при помощи глагольной формы не является строго обязательным: даже при наличии эксплицитно выраженного дополнения глагол может стоять в форме субъектного спряжения. В этом случае никакого морфологического выражения зависимости дополнения от сказуемого нет и можно говорить о нулевом маркировании. Например:

(7) хантыйский язык, казымский диалект

Iket pör nörtälat.

ik=et=Ø

pör=Ø=Ø

nörtälat=at

мужчина=Pl=NOM

плот=Sg=NOM

сплавлять=Pr=SUBJ/3Pl

‘Мужчины плот сплавляют.’

Возможны также примеры, в которых дополнения нет и только форма сказуемого указывает на его признаки. Отсутствие дополнения и подлежащего в предложении (86) обусловлено ближайшим контекстом, в котором сказуемое рематизируется, оно является ответом на вопрос «встречал ли герой своего отца?», поэтому повторять актанты, названные в предыдущем предложении, нет необходимости (ср. при переводе на русский язык они сохраняются).

(8) хантыйский язык, казымский диалект

[*Анкед-ими холäj-есäj лутиял.*]

– *Мүн ацев на нән вэятьясэн муй а́нта.*

– *Аа, вэятьясем.* [*Јүв нумпел тарум, нумпел март канши манс*] [Земля кошачьего локотка, 2003. С. 136]

(a) mñj

as=ew=Ø

pa

nñj

wqjatł'as=en

мы

отец=POSS/1Pl/Sg=NOM

и

ты.NOM

встречать=PAST=OBJ/2Sg/Sg

mōj

āntq

или

нет

(б)

a-a

wqjatł'as=en

да-да

встречать=PAST=OBJ/1Sg/Sg

‘[Мать сидит плачет, заливается.]

– Нашего отца ты не встречал?

– Да, я видел его, [пошел искать мужчин сильнее его, пошел искать мужчин крепче его].’ [Земля кошачьего локотка, 2003. С. 30]

Выбор субъектного или объектного спряжения определяется сложным комплексом факторов – особенностями референции, определенностью / неопределенностью объекта, коммуникативной структурой предложения и др. [Панда, 1985; Nikolaeva et al., 1993; Nikolaeva, 1999; 2001; Николаева, 2002].

В хантыйском языке представлены элементы расщепленного вершинного маркирования, так как личные местоимения могут принимать показатель винительного падежа. Глагол при них употребляется либо в форме объектного, либо субъектного спряжения. Соответственно, в примере (9) представлено маркирование зависимого члена, а в примере (10) – двойное.

(9) хантыйский язык, шурышкарский диалект

Mñj lñwel wantsaw.

mñj

lñw=el

want=s=aw

мы.NOM

он=ACC

видеть=PAST=SUBJ/1Pl

‘Мы его видели.’

(10) хантыйский язык, казымский диалект

Nñj mñti mōj wqten?

nñj

mñn=ti

mōj

wq=I=en

ты

я=ACC

что

знать=Pr=OBJ/2Sg/Sg

‘Ты меня разве знаешь?’

Таким образом, в хантыйских глагольно-именных словосочетаниях объектной семантики наблюдаются все возможные типы маркирования – вершинное, зависимостное, двойное, нулевое: в сочетаниях «существительное + глагол» зависимое имя всегда стоит в форме номинатива, при этом варьирует оформление глагола – показателями субъектного или объектного спряжения, что позволяет определить маркирование как нулевое или вершинное соответственно; в сочетаниях «личное местоимение + глагол» зависимое слово всегда маркировано показателем винительного падежа, глагол может выступать как в форме субъектного (зависимостное маркирование), так и в форме объектного спряжения (двойное маркирование).

Это ставит вопрос о месте хантыйского языка в общей типологии. Хантыйский тип маркирования можно определить как смешанный: форма зависимого слова определяется морфологическими факторами (существительное всегда остается неоформленным, тогда как личное местоимение стоит в винительном падеже), а выбор формы главного слова (субъектное или объектное спряжение) регулируется прагматическими условиями.

Возникает терминологический вопрос: как называть эти виды связей в хантыйском языке:

нулевое маркирование	$N^{Ob}_{NOM} + V_{Subj}$	примыкание
вершинное маркирование	$N^{Ob}_{NOM} + V_{Obj}$	отражение
зависимостное маркирование	$PRON^{Ob}_{ACC} + V_{Subj}$	управление
двойное маркирование	$PRON^{Ob}_{ACC} + V_{Obj}$	?

Как видим, для обозначения двойного выражения зависимости при личном местоимении в винительном падеже и глаголе в объектном спряжении имеется терминологическая лакуна.

В ненецком языке в большей степени выражен двойственный характер маркирования зависимости: при наличии прямого дополнения глагол также может принимать формы и субъектного, и объектного спряжения. При этом в системе склонения имен представлен винительный падеж. Форма дополнения, как и форма глагола, может варьировать: оно может принимать либо показатель винительного падежа, либо оставаться немаркированным, т. е. выступать в форме номинатива, ср.:

$N_{ACC} + V_{OBJ}$

(11) ненецкий язык, тундровый диалект

Няхар" Мэднамд ервамд пилюйн! [Терещенко, 1990. С. 88. № 46]

няхар" Мэдна=м=д ерва=м=д пилю=й=и
три хромой=ACC/Sg=POSS/2Sg/Sg хозяин=ACC/Sg=POSS/2Sg/Sg бояться=obj/pl=OBJ/1Sg/Pl
'Я боюсь трех хромых хозяев.'

$N_{NOM} + V_{OBJ}$

(12) ненецкий язык, лесной диалект, аганский говор

[Вихиняй маштут: «Кыле-е-й!» Шелтамайто-о хэтмайто-о, чики тувшау».

шелта=май=го-о хэт=май=го-о чики тувшау=Ø
сделать=PP=OBJ/3Sg сшить=EVID=OBJ/3Sg этот мешочек для рукоделия=NOM/Sg
'[Про себя думаю: «О-о-й!» Она сделала, она сшила этот мешочек для рукоделия].'

$N_{ACC} + V_{SUBJ}$

(13) ненецкий язык, лесной диалект, пуровский говор

Колау Ха"ну мя'дяайм шелта. [Турутина, 2003. С. 20]

колау=н ха"ну мя='дяай=м шелта=Ø
бык=GEN/Sg взор дом=AUG=ACC/Sg сделать=SUBJ/3Sg
'[Женщина из рода] Бычий Взгляд дом огромный построила.'

$N_{\text{NOM}} + V_{\text{SUBJ}}$

(14) ненецкий язык, лесной диалект, пуровский говор

Немянта хэтула"ма" пускууди номтапёшту, хэтулаш няташтута. [Турутина, 2003. С. 57]

немя=н=та

хэту=ла="ма="

пус=ку=уди=Ø

мать=GEN/Sg=POSS/3Sg/Sg

шить=ASP=VN_{пр}=Pl

лоскут=DIM=DIM=NOM/Sg

номта=пё=шту=Ø

хэту=ла=ш

нята=шту=та

собирать=DUR=HAB=SUBJ/3Sg

шить=ASP=CV

помогать=HAB=OBJ/3Sg

‘Остатки от того, что мать шила, [младшая дочь] собирала, шить матери помогала.’

Таким образом, в ненецком языке также представлены все возможные способы выражения зависимости имени от глагола, среди них есть случаи, которые можно отнести к примерам традиционного управления (если глагол стоит в форме субъектного спряжения, а имя – в форме винительного падежа), а также к примерам отражения (если глагол стоит в форме объектного спряжения, а имя – в форме именительного падежа). Но встречаются также примеры двойного маркирования зависимости (винительным падежом имени при глаголе в форме объектного спряжения), а также примеры, в которых ни главное, ни зависимое слово в сочетании никакого формального выражения не получают. Выбор стратегии маркирования зависит от типовой семантики предложения, коммуникативных факторов [Баркалова, 2004], дискурсивной функции предикации и степени ее семантической переходности [Kortvely, 2005] и др.

Итак, в хантыйском и ненецком языках в глагольных словосочетаниях объектной семантики возможны все типы маркирования, что позволяет определить эти языки как языки смешанного типа. Однако в хантыйском в большей мере выражено вершинное маркирование, тогда как в ненецком – двойное. При этом остается открытым вопрос о выборе термина для обозначения двусторонней связи, которая возникает между главным и зависимым словами, если оба они морфологически маркированы.

Именное отражение

Отражение категорий зависимого слова в форме главного в притяжательных словосочетаниях проявляется в том, что определяемое имя принимает лично-притяжательный показатель, соответствующий числу определения.

Притяжательные конструкции, в которых определение и определяемое выражены именами существительными, называют *изафетом*. М. И. Черемисина употребляет термин «изафет» также и по отношению к двусторонней связи, которая устанавливается между определением в родительном падеже и определяемым в лично-притяжательной форме [2013].

Возможны четыре структурных типа изафета:

- 1) $N_{\text{GEN}} + N$;
- 2) $N_{\text{GEN}} + N_{\text{POSS}}$;
- 3) $N + N_{\text{POSS}}$;
- 4) $N + N$.

В хантыйском языке, где родительный падеж отсутствует и в именном, и в прономинальном склонении, возможны два структурных типа притяжательных сочетаний – $N + N_{\text{POSS}}$ и $N + N$, где первый компонент, определение, примыкает ко второму, определяемому, а последнее может принимать лично-притяжательный аффикс или выступать в неоформленном виде.

Посессивный показатель появляется только в том случае, если определение выражено личным местоимением или (нерегулярно) термином родства и другим одушевленным именем, например: *та хэр=ет* ‘моя лодка’ (я лодка=POSS/1Sg/Sg), *мүй хот=ләw* ‘наши дома’ (мы дом=POSS/1Pl/Pl).

Оформление первого компонента в сочетаниях типа *ас=ет хэр=әл* ‘лодка моего отца’ (отец=POSS/1Sg/Sg лодка=POSS/3Sg/Sg), *јай=en wüli=ләл* ‘олени твоего старшего брата’ (старший брат=POSS/2Sg/Sg олень=POSS/3Sg/Pl) нельзя считать примером реализации структурной схемы $N_{\text{POSS}} + N_{\text{POSS}}$ – с посессивным оформлением первого члена. Такие случаи являются речевой реализацией трехкомпонентных сочетаний с линейно первым место-

имением, отсутствующим в высказывании по условиям контекста или в силу очевидности. В текстах встречаются реализации и четырехкомпонентных сочетаний с отсутствующим первым членом – личным местоимением. Они представляют собой комбинацию нескольких посессивных конструкций, в которых аффиксы накладываются друг на друга. Например:

(15) хантыйский язык, казымский диалект

[*Ким этэс,*] *ацеҕ ҕов саҕа ыауруммаҕ.* [Земля кошачьего локотка, 2003. С. 136]

ase=I low sapl=a šaŋrəm=m=ał
отец=POSS/3Sg/Sg конь шея=DAT прицепиться=EVID=3Sg

‘[На улицу вышел], оказывается, [дочь чудовища] повисла на шее коня ее отца.’

Выделенное выражение с посессивной семантикой является комбинацией трех элементарных двухчленных притяжательных конструкций:

1) (*low*) *ase=I* ‘ее отец (букв.: она отец=POSS)’ с отсутствующим первым компонентом. Структурная схема **PRON** + **N_{POSS}** передает в данном случае отношения родства;

2) *ase=I low* ‘конь отца’ (букв.: отец=POSS конь), построенная по схеме **N** + **N**. Посессивный показатель первого имени наследуется от линейно предшествующей конструкции. Данное сочетание выражает отношения принадлежности;

3) *low sapl=a* ‘к шее коня’ со значением части и целого, построенной по схеме **N** + **N**.

Таким образом, в хантыйских притяжательных сочетаниях зависимое слово регулярно остается не оформленным на уровне языковых моделей. Наличие посессивного показателя при определяемом связано со способом частеречного выражения определения, а также его одушевленностью или неодушевленностью (последнее факультативно). Соответственно, здесь действует правило отражения: зависимый компонент всегда не оформлен, а посессивная форма главного компонента обусловлена свойствами зависимого: одушевленность требует (или предполагает) наличия лично-притяжательных суффиксов, их отсутствие также является значимым и указывает на неодушевленность имени в позиции определения.

Таким образом, в сфере притяжательных сочетаний хантыйского языка проявляются две стратегии маркирования: 1) вершинное в конструкциях типа **PRON** + **N_{POSS}** со связью отражение; 2) нулевое в конструкциях типа **N** + **N** со связью примыкание.

В ненецком языке также представлены две структурные разновидности притяжательных сочетаний: **PRON** + **N_{POSS}** и **N_{GEN}** + **N**.

Аналогично хантыйскому языку, в сочетаниях типа «личное местоимение + имя существительное» последнее по принципу отражения обязательно принимает лично-притяжательный аффикс, например:

(16) ненецкий язык, тундровый диалект

Мань мякани' маня" тэвына". [Янгасова, 2001]

мань мя=ка=ни' маня" тэ=вы=на"
я чум=DAT/Sg=POSS/1Sg мы приехать=PP=REFL/1Pl

‘Приехали мы к моему чуму.’

Однако личное местоимение в подобных сочетаниях факультативно и чаще всего опускается, ср.:

(17) ненецкий язык, тундровый диалект

Мякани' тэвын". [Янгасова, 2001]

мя=ка=ни' тэ=вы=в"
чум=DAT/Sg=POSS/1Sg доехать=PP=REFL/1Sg

‘До своего чума [я] добрался.’

Наличие подобных примеров демонстрирует стратегию вершинного маркирования в ненецком языке, которая предполагает факультативность зависимого слова, поскольку форма главного представляет информацию о характеристиках зависимого в полном объеме.

В именном склонении ненецкого языка имеется родительный падеж, показатель которого в составе притяжательной конструкции принимает определение. Структурный тип **N_{GEN}** + **N** используется для построения любых семантических типов изафетных конструкций, например:

- значение родства и свойства:

(18) ненецкий язык, тундровый диалект

Лэхэ' няхар" ню мал'мбой наны". [Янгасова, 2001]

Лэхэ=' няхар" ню=Ø мал'мбой наны="

Лэхэ=GEN/Sg три ребенок=NOM/Sg весь=QUAL юноша=SUBJ/3Pl

'Три сына Лэхэ – они все молодые (юноши).'

- часть целого:

(19) ненецкий язык, лесной диалект, аганский говор

Каляу шонша мюня" татя кахеле"уа" нанусамыти".

каля=у шонша мюня" татя=Ø

рыба=GEN/Sg внутренность внутрь имется=CV

ка=хеле="уа=" нану=самы=ти="

уйти=SMLF=AOR=SUBJ/3Pl лодка=CHAR=POSS/3Du/Pl=PRGM

'В живот рыбы мы так и поплыли вместе с нашей лодкой.'

- принадлежность:

(20) ненецкий язык, тундровый диалект

Параюода' харад' вэкана маугабада луца илевы. [Янгасова, 2001]

параюода=' харад=' вэ=кана маугаба=да

царь=GEN/Sg дом=GEN/Sg край=LOC/Sg быть бедным=PrP

луца=Ø иле=вы=Ø

русский=NOM/Sg жить=PP=SUBJ/3Sg

'На окраине владений царя жил бедный русский.'

Появление посессивных показателей при определении или определяемом не связано со структурой данной притяжательной конструкции, а регулируется грамматическими или прагматическими факторами, а также определенностью / неопределенностью референта. В примере (21) лично-притяжательный показатель 2-го л. ед. ч. субъекта при ед. ч. объекта ('мать твоей Нарыши') указывает на введение в контекст героя, который является темой-новым. С этого предложения начинается рассказ о тяжелой жизни девочки:

(21) ненецкий язык, лесной диалект, пуровский говор

Куэхэна Нарышант пу'шадюм ка, нуп не нюудета наймай. [Турутина, 2003. С. 56]

куэхэна Нарыша=н=т пу'ша=дюм=Ø

однажды Нарыша=GEN/Sg=POSS/2Sg/Sg старуха=SLCT=NOM/Sg

ка=Ø нуп не ню-уде=Ø=та

умереть=SUBJ/3Sg один женщина ребенок=DIM=NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg

най=май=Ø

быть=PP=SUBJ/3Sg

'Однажды у Нарыши умерла мать, осталась эта девочка одна.'

В следующем примере посессивный суффикс в составе словоформы *дил=та* 'ее жизнь' указывает на контрастную тему и обусловлен противопоставлением хорошей жизни обитателей чума и плохой жизни Нарыши.

(22) ненецкий язык, лесной диалект, пуровский говор

[*Мя'ту мюй хома, дюпа, намлатун тада.*] *Нарыша'кудент дилта вома, [ням падиля, вит падиля, уамсута'та няпадём ништу мис].* [Турутина, 2003. С. 56]

Нарыша='куде=н=т дил=Ø=та вома=Ø

Нарыша=DIM=GEN/Sg=POSS/2Sg/Sg жизнь=NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg плохой=SUBJ/3Sg

'[В чуме тепло, хорошо стало, всегда есть что покушать.] А жизнь-то у этой бедной Нарыши плохая, [дрова рубит, воду носит, а мачеха кушать не дает].'

Несмотря на наличие посессивных показателей и в составе определения, и в составе определяемого, эта притяжательная конструкция построена по структурной схеме $N_{GEN} + N$, в ко-

торой показатель связи принимает зависимое слово, что указывает на стратегию зависимостного маркирования в этом типе синтаксических построений ненецкого языка.

В аганском и особенно нумтовском говорах лесного диалекта ненецкого языка под влиянием хантыйского употребление винительного и родительного падежей становится нерегулярным, поэтому в одном предложении могут встретиться как типичные для ненецкого, так и типичные для хантыйского языка структурные типы изафетных конструкций, например:

(23) ненецкий язык, лесной диалект, аганский говор

Толяу неша тяламан тохтяай пезмхана шан тячитяаймта кылаңа.

<u>Толя</u> =у	<u>неша</u> =Ø	тяги=ман
<u>Толя</u> =GEN/Sg	<u>отец</u> =NOM/Sg	день=PROLAT/Sg
<u>тох</u> =тяги=Ø	<u>пезм</u> =хана	шан
<u>озеро</u> =AUG=NOM/Sg	<u>устье</u> =LOC/Sg	сколько
тяги=тяги=м=га		кыла=уа=Ø
важенка=AUG=ACC/Sg=POSS/3Sg		забить=AOR=SUBJ/3Sg

‘Толин отец за день в устье реки несколько важенок забил.’

В примере (23) отношения родства (*Толя*=у неша ‘Толин отец’) оформлены по ненецкому типу: N_{GEN} + N, а отношения части и целого при неодушевленных существительных – по хантыйскому: N + N (*тохтяай пезмхана* ‘в устье реки’). Возможно, в лесном диалекте формируется семантическое разграничение типов притяжательных конструкций или выбор структурной разновидности обусловлен признаком одушевленности / неодушевленности.

Как и в тундровом диалекте, лично-притяжательный показатель определения не связан со структурой притяжательной конструкции, а обусловлен прагматически (пример 24) или грамматически – компрессией двух элементарных притяжательных конструкций (пример 25):

(24) ненецкий язык, лесной диалект, нумтовский говор

Лу'кикульта пили" нилита вайтэн чепхалимай.

лу'ки=кулы=Ø=га	пили"
стрела=CHAR=NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg	точно
<u>нили</u> =га	<u>вайтэ</u> =н
<u>старик</u> =POSS/3Sg/Sg	<u>мизинец</u> =DAT/Sg
	чеп=хали=май=Ø
	попасть=SMLF=PP=SUBJ/3Sg

‘Смотрит, его стрела попала этому старику прямо в мизинец.’

(25) ненецкий язык, лесной диалект, нумтовский говор

Немента валам паяай тат ныхытаңа.

<u>нема</u> =га	валам	<u>пя</u> =яай=Ø	тат	ныхыта=уа=Ø
<u>мать</u> =POSS/3Sg/Sg	стружка	<u>доска</u> =AUG=NOM/Sg	вот	схватить=AOR=SUBJ/3Sg

‘Как схватил бревно матери, из которого она делает стружки.’

Посессивный показатель определяемого, наоборот, обусловлен одушевленностью имени в позиции определения, т. е. подчиняется характерным для хантыйского языка закономерностям оформления притяжательных конструкций типа N + N_{POSS}:

(26) ненецкий язык, лесной диалект, аганский говор

Апай уайвата тешия.

<u>апа</u> =й	<u>уайва</u> =Ø=га	теш=мя=Ø
<u>старшая сестра</u> =POSS/1Sg/Sg	<u>голова</u> =NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg	заболеть=PP=SUBJ/3Sg

‘У моей старшей сестры заболела голова.’

(27) ненецкий язык, лесной диалект, пуровский говор

Чику вайсы'ку нимтя Аку уэмай.

чики вайсы'ку=Ø	ним=Ø=тя	Аку	уэ=май=Ø
тот старик=NOM/Sg	имя=NOM/Sg=POSS/3Sg/Sg	Аку	быть=PP=SUBJ/3Sg

‘Имя того старика было, оказывается, Аку.’

В целом наличие родительного падежа в ненецком языке обеспечивает стратегию выражения посессивных отношений при помощи подчинительной связи, которую в данном случае можно оценить как управление.

В разных типах притяжательных конструкций ненецкого языка устанавливается разное маркирование: при личных местоимениях – вершинное, при именах существительных – зависимостное.

Таким образом, в хантыйском и ненецком языках при определении, выраженном личным местоимением, представлено вершинное маркирование. При определении – имени существительным в хантыйском языке маркирование нулевое (связь примыкание), а в ненецком – зависимостное (связь управление).

Послеложное отражение

В сочетаниях «имя / личное местоимение + послелог», где вершиной выступает послелог, действуют закономерности, выявленные для именного отражения. Значимым является выражение зависимого компонента личным местоимением, при котором послелог обязательно принимает лично-притяжательный аффикс как в хантыйском, так и в ненецком языках. Конструкция имеет вид: **PRON + N_{POSS}**, например:

(28) хантыйский язык, казымский диалект

Ampəl lūw pelala χōrətəl.

amp=əf=∅

собака=POSS/3Sg/Sg=NOM

‘Собака на него лает.’

lūw

он

pef=af=a

POSTP=POSS/3Sg/Sg=DAT

χōrət=əf=∅

лаять=Pr=SUBJ/3Sg

(29) ненецкий язык, тундровый диалект

Ханин' Вэра мань пудани нани' тарем' ма: ... [Янгасова, 2001]

Ханин'=

Вэра

мань

пуда=ни

нани'

тарем'

ма=∅

Ханин=GEN/Sg

Вэра

я

POSTP=POSS/1Sg/Sg

опять

так

сказать=SUBJ/3Sg

‘Канинский Вэра опять после меня так сказал: ...’

В ненецком языке, в отличие от хантыйского, личное местоимение свободно опускается, например:

(30) ненецкий язык, тундровый диалект

Вэсако' не ню юркы', маниеда – хэвханада то' юседа. [Ненецкий фольклор, 1960. С. 68]

вэсако'=

не

ню=∅

юркы=

старик=GEN/Sg

женщина

ребенок=NOM/Sg

встать=REFL/3Sg

мание=да

хэвхана=нда

то'=∅

юседа=∅

смотреть=OBJ/Sg/3Sg

POSTP=POSS/3Sg/Sg

одеяло=NOM/Sg

лежать=SUBJ/3Sg

‘Встала дочь старика, видит: около нее лежит одеяло.’

На первый взгляд в этой области маркирования отношений хантыйский и ненецкий языки совпадают, так как в них одинаково используется принцип отражения, но ненецкий более последовательно, чем хантыйский, проявляет себя здесь как язык с вершинным маркированием, так как допускает факультативность зависимого компонента – личного местоимения.

Если зависимым словом при послелогe выступает имя существительное, то в хантыйском языке оно остается неоформленным (**N + POSTP**), а в ненецком принимает форму родительного падежа (**N=GEN + POSTP**), ср.:

(31) хантыйский язык, казымский диалект

In ikel As pela mōj šōrəs pela mānəs.

in ike=f=∅

As=∅

pela

mōj

этот мужчина=POSS/3Sg/Sg=NOM

Обь=NOM

POSTP

или

šōrəs=∅

pela

mān=əs=∅

more=NOM POSTP

поехать=PAST=SUBJ/3Sg

‘Этот мужчина к Оби или к морю поехал.’

(32) ненецкий язык, тундровый диалект

Нарка то' хэвхана нарадава'. [Терещенко, 1965. С. 285]

нарка то= хэвхана нарада=ва"
большой озеро=GEN/Sg POSTP жить на весеннем стойбище=SUBJ/1Pl

'Мы проводим весну около большого озера.'

В лесном диалекте ненецкого языка, где родительный падеж используется нерегулярно, послеложная конструкция может соответствовать структуре N + POSTP хантыйского типа:

(33) ненецкий язык, лесной диалект, нумтовский говор

[Ни'литу' мэһату',] яха кэван канахаһиһату'.

яха=Ø кэван кана=хали=һа=ту'
река=NOM POSTP повезти=SMLF=AOR=OBJ/3Pl/Sg

'[Дедушку взяли], к речке повезли.'

В послеложных конструкциях сохраняются те же самые закономерности оформления главного и зависимого слов, что и в изафетных, вероятно в силу их морфологической близости. В обоих случаях связь устанавливается между именами – полнозначными или служебными, так как и те, и другие обладают сходными грамматическими признаками: изменяются по падежам в соответствии с требованиями подчиняющего их глагола и принимают лично-притяжательные показатели.

В хантыйском языке в этих синтаксических структурах наблюдается вершинное и нулевое маркирование, в ненецком – вершинное с возможностью элиминации зависимого слова и зависимостное.

Заключение

Итак, в типологии, построенной по признаку «место расположения показателя связи на главном или зависимом слове», хантыйский и ненецкий можно охарактеризовать как языки смешанного типа, так как в них встречаются все возможные типы маркирования – вершинное, зависимостное, нулевое и двойное.

Морфологически противопоставлены три класса конструкций (см. таблицу). Во-первых, в предикативном ядре устанавливается взаимозависимость подлежащего и сказуемого, которая формально выражается в виде нулевого или вершинного маркирования в обоих языках.

Во-вторых, в глагольно-именных словосочетаниях с объектным значением возможны все виды маркирования, при этом в хантыйском языке маркирование может быть расщепленным, так как винительный падеж представлен только в прономинальном склонении, а в ненецком зона двойного маркирования шире, так как распространяется не только на личные местоимения, но и на имена существительные, регулярно выступающие в форме винительного падежа.

В-третьих, формальным единством обладает класс изафетных и послеложных сочетаний, поскольку в них одно имя (знаменательное или служебное) подчиняет себе другое. Общим для обоих языков является вершинное маркирование при зависимом слове – личном местоимении; при имени существительном в хантыйском языке устанавливается нулевое, а в ненецком – зависимостное маркирование. В данной сфере в ненецком языке действуют прямо противоположные тенденции, которые определяются морфологической природой зависимого слова: личное местоимение требует показателя связи на главном слове, а имя существительное – на зависимом.

Хантыйский язык в большей мере относится к языкам с вершинным маркированием, так как зависимое слово во всех рассмотренных случаях остается грамматически не оформленным, а главное (глагол, имя или послелог) может содержать показатель, указывающий на лицо и число зависимого. В терминологии И. А. Мельчука, этот вид связи называется нисходящим согласованием или, по В. А. Аврорину, – отражением. Отклонения от этого правила связаны с формами винительного падежа личных местоимений, которые формируют конструкции с расщепленным маркированием, но данный механизм распространяется на узкий круг явлений и мало частотен в текстах.

Список литературы

- Аврорин В. А. Синтаксические исследования по нанайскому языку. Л.: Наука, 1981.
- Баркалова М. В. Функционально-семантическая классификация глагольных моделей ненецкого языка // Языки коренных народов Сибири. Новосибирск, 2004. Вып. 14. С. 171–217.
- Земля Кошачьего Локотка. Кань Кунш Олжэ / Сост. Т. А. Молданов. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 230 с.
- Мельчук И. А. Согласование, управление, конгруэнтность // Вопр. языкознания. 1993. № 5. С. 16–57.
- Ненецкий фольклор. М., 1960.
- Николаева И. А. Конструкции со вторичным топи́ком // Лингвистический беспредел: Сб. ст. к 70-летию А. И. Кузнецовой. М.: Изд-во МГУ, 2002. С. 274–288.
- Панда Е. Д. О выражении субъектно-объектных отношений в обско-угорских языках // Советское финно-угроведение. XXI. Tallinn, 1985. № 3. С. 204–214.
- Терещенко Н. М. Ненецко-русский словарь. М.: Сов. энциклопедия, 1965.
- Терещенко Н. М. Ненецкий эпос: материалы и исследования по самодийским языкам. Л., 1990.
- Тестелец Я. Г. Введение в общий синтаксис. М.: Рос. гос. гуманит. ун-т, 2001. 800 с.
- Турутина П. Г. Нешан ванлат шотпялс”. Легенды и сказки лесных ненцев. Новосибирск, 2003.
- Черемисина М. И. Управление как класс синтаксических связей // Языки и фольклор коренных народов Сибири. Новосибирск, 2013. № 1 (Вып. 24). С. 4–29.
- Янгасова Н. М. (сост.). Ненэ́щие” лаханако”, сюдбабц”, ярабц” (Ненецкие сказки и эпические песни «сюдбабц», «ярабц») / Под ред. М. Я. Бармич. Томск: Изд-во ТГУ, 2001.
- Bentley M. The Marking of Grammatical Relations in Swahili // Studies in African Linguistics. 1998. Vol. 27. No. 2. P. 177–197.
- Hasselbach R. Head- and Dependent-Marking in Semitic // Case in Semitic: Roles, Relations, and Reconstruction. Oxford: Oxford Univ. Press, 2013.
- Kathol A. Nominal Head-Marking Constructions: Two Case Studies from Luiseño // Andreas Proceedings of the 8th International HPSG Conference, Norwegian University of Science and Technology (3–5 August 2001) / Eds. F. van Eynde, L. Hellan, D. Beermann. CSLI Publications, 2002. P. 189–201. URL: <http://csli-publications.stanford.edu/>.
- Kibrik A. A. Is there Case in Head-Marking Languages? // International Symposium on Typology of the Argument Structure and Grammatical Relations in Languages Spoken in Europe and North and Central Asia (LENCA-2). Abstracts. Kazan State University, May 11–14, 2004. URL: <http://www.ling.helsinki.fi/uhlcs/LENCA/LENCA-2/information/datei/20-kibrik.pdf>
- Kortvely E. Verb Conjugation in Tundra Nenets. Szeged: Goldpress Nyomda, 2005 (Studia uralo-altaica. 46).
- Nichols J. Head-Marking and Dependent-Marking Grammar // Language 62.1. 1986. P. 56–119.
- Nichols J. Linguistic Diversity in Space and Time. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1992.
- Nichols J. Head / Dependent Marking // The Encyclopedia of Language and Linguistics / Ed. by K. Brown. 2nd ed. Oxford: Elsevier, 2006.
- Nichols J., Bickel B. Locus of Marking (in the Clause; in possessive Noun Phrases; and Whole-Language Typology) // The World Atlas of Language Structures. Eds. M. Haspelmath, M. S. Dryer, D. Gil, B. Comrie. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005. P. 98–109.
- Nikolaeva I. Object Agreement, Grammatical Relations, and Information Structure // Studies in Language. 1999. Vol. 23. P. 341–386.
- Nikolaeva I. Secondary Topic as a Relation in Information Structure // Linguistics. 2001. Vol. 39. P. 1–49.
- Nikolaeva I., Kovgan E., Koškarëva N. Communicative Roles in Ostyak Syntax // Finnisch-Ugrische Forschungen. 1993. Vol. 51 / 1–3. P. 125–167.
- Ruff J. Locus and Linkers. MS. UCL, 2009. URL: http://www.langsci.ucl.ac.uk/linguistics/reading_groups/syntax/download.pdf

Список условных сокращений и обозначений

= – морфемная граница; Ø – нулевой аффикс; ACC – аффикс винительного падежа; AOR – показатель аориста; ASP – аспектальный показатель; AUD – показатель аудитива; AUG –

показатель аугментива (суффикс со значением увеличительности); **CHAR** – характеризующий аффикс; **CV** – показатель конверба; **DAT** – аффикс дательного падежа; **DIM** – показатель диминутива (суффикс со значением уменьшительности); **Du** – аффикс двойственного числа; **GEN** – аффикс родительного падежа; **HAB** – показатель хабитуалиса (суффикс со значением постоянно совершающегося действия); **LOC** – аффикс местно-творительного падежа; **N** – имя существительное; **NOM** – показатель именительного падежа; **OBJ** – показатель объектного спряжения; **obj/pl** – показатель множественного числа объекта; **PAST** – суффикс прошедшего времени; **PI** – суффикс множественного числа; **POSS** – лично-притяжательный суффикс; **POSTP** – послелог; **PP** – аффикс причастия прошедшего времени; **Pr** – аффикс настоящего времени; **PRGM** – прагматический показатель; **PROLAT** – аффикс продольного падежа; **PrP** – аффикс причастия настоящего времени; **PRVB** – преверб; **QUAL** – аффикс со значением качественной характеристики; **Sg** – показатель единственного числа; **SLCT** – аффикс со значением избирательности; **SMLF** – показатель семельфактива (суффикс, обозначающий отдельный акт мультипликативной серии); **SUBJ** – показатель субъектного спряжения; **V_f** – финитная форма глагола; **VN** – глагольное имя.

Материал поступил в редколлегию 01.11.2013

N. B. Koshkareva

REFLECTION AS A TYPE OF SUBORDINATION IN HEAD-MARKING LANGUAGES (BASED ON THE EXAMPLE OF KHANTY AND NENETS LANGUAGES)

«Reflection» is considered to be a special kind of subordination, typical for head-marking languages. Khanty and Nenets can be defined as split-marked languages. In Khanty, there are no genitive or accusative cases, so grammatical form of the head word is the only way to express dependency. Elements of split marking can be traced in phrases with personal pronouns, having the accusative form, and in the form of the dependent predicate of the subordinate clause. Nenets can be treated as a language with double marking of dependency, provided that it is possible to mark both the head and the dependent word or either of them.

Keywords: the Khanty language, the Nenets language, head-marking and dependent marking languages, subordination, reflection.